

УДК 741.02(092) Алан Мур
ББК 85.15(3)-8 Алан Мур
П18

Lance Parkin
MAGIC WORDS:
THE EXTRAORDINARY LIFE OF ALAN MOORE
Copyright © Lance Parkin 2013

Разработка серии А. Саукова
Иллюстрация на переплете и форзацах
В. Коробейникова

Паркин, Ланс.
П18 Алан Мур. Магия слова / Ланс Паркин ; [пер. с англ. С. Карпова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 608 с.

ISBN 978-5-04-101311-0

Последние 35 лет фанаты и создатели комиксов постоянно обращаются к Алану Муру как к главному авторитету в этой современной форме искусства. В графических романах «Хранители», «V - значит вендетта», «Из ада» он переосмыслил законы жанра и привлек к нему внимание критиков и ценителей хорошей литературы, далеких от поп-культуры.

Репутация Мура настолько высока, что голливудские студии сражаются за права на экранизацию его комиксов. Несмотря на это, его карьера является прекрасной иллюстрацией того, как талант гения пытается пробиться сквозь корпоративную серость.

С эцентричностью и принципами типично английской контркультуры Мур живет в своем родном городке — Нортемптоне. Он полностью погружен в творчество — литературу, изобразительное искусство, музыку, эротику и практическую магию. К бизнесу же он относится как к эксплуатации и вторичному процессу. Более того, за время метафорического путешествия из панковской «Лаборатории искусств» 1970-х годов в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», Мур неоднократно вступал в жестокие схватки с гигантами индустрии развлечений. Сейчас Алан Мур — один из самых известных и уважаемых «свободных художников», продолжающих удивлять читателей по всему миру.

Оригинальная биография, лично одобренная Аланом Муром, снабжена послесловием Сергея Карпова, переводчика и специалиста по творчеству Мура, посвященным пяти годам, прошедшим с момента публикации книги на английском языке.

УДК 741.02(092) Алан Мур
ББК 85.15(3)-8 Алан Мур

© С. Карпов, перевод на русский язык,
послесловие, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101311-0

Введение

«У меня необычная жизнь. Не та, что
я ожидал. Мне нравится. Прекрасная.
Но немного странная».

АЛАН МУР,
конференция Magus (2010)

«Кто здесь Алан Мур?»

Когда в помещении Алан Мур, этот вопрос никому не приходит в голову и его легко найти на фотографиях. Похоже, если пишешь о Муре, надо обязательно начать с того, что он настоящий великан (на самом деле 188 см — высокий, но едва ли необыкновенно высокий), что у него пышная борода и что он носит звенящие сегментированные перстни и змееголовую трость. Он подарок для карикатуристов и работает в индустрии, где их множество. Его внешность часто наводила людей на мысли, что он жуткий и странный. Мур отлично знает, что выделяется из толпы.

Творчество Алана Мура выделяется не меньше его самого. В его резюме — пятипанельные газетные комиксы и роман заметно больше «Войны и мира»; слэпстик-комедия и кровавые ужасы; пяти- или шестистраничный стрип про Дарта Вейдера и порнографический трехтомник в футляре; написанные по контракту истории об аляповатых персонажах, принадлежащих большим корпорациям, и черно-белая самиздат-антология с критикой законов тэтчеровской эпохи. Мур сотрудничал с сотней разных художников, каждый со своим стилем, но когда читаешь его истории даже с такими каноническими персонажами, как Супермен, Джокер, Джек-потрошитель, Хан Соло, Дороти Гейл или Дже-

кил и Хайд, то по всему видно, что они создания одного и того же разума.

Главная причина покупать его комиксы — как раз потому, что их написал Мур. Как отмечает критик Дуглас Волк: «Я до сих пор покупаю все, несущее на обложке его имя. Даже второстепенные или халтурные работы почти всегда помогают понять его основное творчество. А от основного творчества все еще не улеглись ударные волны, даже спустя годы после публикации. Не стоит говорить, что последние двадцать пять лет истории комиксов — это история творческого пути Алана Мура, но это, без преувеличения, именно так»¹. Не обязательно читать «Опилочные воспоминания» (*Sawdust Memories*, 1984) — трехстраничный рассказ в прозе в порнографическом журнале *Knave*, — чтобы понимать переломный графический роман «Хранители» (*Watchmen*, 1986–1987), но связи и сходства есть всегда. У Мура самобытное мировоззрение, и в его произведениях всегда ощущается автор.

Большая часть его известных работ выходила у американских издателей, экранизирована Голливудом и связана с характерно американским изобретением — супергероем. Мур рос под впечатлением от супергеройских комиксов и контркультуры Западного побережья, а теперь женат на американской художнице андерграундных комиксов. Потому простительно, когда многие до сих пор удивляются, что Алан Мур родился, вырос и живет всю жизнь в Нортгемптоне — городке на востоке Мидлендса в Англии. Мур всегда последовательно превозносил свою родину, среди прочего заявляя: «Чем больше я смотрю на Нортгемптон, тем больше кажется, что Нортгемптон был центром вселенной и что все самое важное появилось из этой точки»².

Британские читатели поймут, что это не самый распространенный взгляд на город, где главный экс-

порт, кроме произведений самого Мура, — лагерь «Карлсберг» и счета кредитных карт «Барклейкард». Американские читатели это поймут вряд ли. Отсюда возникает важная разница. Мрачные и жесткие реинтерпретации супергероику Мура могут заметно влиять на его восприятие в Британии, но в Америке его репутация основывается на них. Многие из его ранних серий приносили «реализм» в истории о таких ходульных персонажах, как Марвелмен, Болотная Тварь, Бэтмен и Джокер, превращали их книжные миры в царства кризиса среднего возраста, экономической реальности и жестокого — часто сексуально-го — насилия. Мур только рад поддерживать такой образ. Когда он появился в роли себя в «Симпсонах» (серия «Мужья и ножи»*, ноябрь 2007 года), мы узнали, что он новый сценарист любимого комикса Барта Симпсона — «Радиоактивный человек» — и превратил персонажа в «джазового критика-наркомана, при этом не радиоактивного». Один из персонажей Мура в серии «Суприм» (Supreme, 1996–2000) — художник комиксов, которому досаждают британский автор, вознамерившийся написать «историю про изнасилование суперсом». Творчество Мура для гигантской американской компании DC (главные работы — «Болотная Тварь» (Swamp Thing, 1984–1987), истории о Супермене «Для человека, у которого есть все» (For the Man Who Has Everything, 1985) и «Что случилось с человеком завтрашнего дня?» (Whatever Happened to the Man of Tomorrow?, 1986), «Хранители», «Убийственная шутка» (The Killing Joke, 1988) и «V значит Вендетта» (V for Vendetta, 1982–1989) считается среди фанатов комиксов классикой и имеет огромное влияние на сегодняшних авторов, постоянно переиздается и до сих пор активно продается. Но

* Здесь и далее прим. пер. В оригинале «Husbands and Knives».

стоит взглянуть на эти даты, как становится видно, что это всего лишь пятилетний период в карьере Мура тридцатилетней давности. Его творчество всегда было шире, чем супергеройские комиксы для взрослых фэнов, и, хотя его работы для DC не теряют важности, очевидно, что это только веха на творческом пути, а не вся дорога.

Когда хочешь узнать больше об Алане Муре, нужно с самого начала помнить, что любая попытка восстановить жизнь по его собственным историям ни к чему не приведет. Вооруженные биографической информацией, мы можем найти только редкие самородки: Квинча зовут Эрнест — как отца Мура; Рауль Боджеффрис — высокий, волосатый и работает на живодерне, точь-в-точь сам Мур, когда его исключили из Нортгемптонской школы для мальчиков; концлагерь в «V значит вендетта» находится в Ларкхилле, времяпрепровождение в котором Мур называл «одним из своих самых отвратительных отпусков с автостопом»³, — но это все шутки для своих, а не откровения.

Чтобы найти что-то откровенно автобиографическое в раннем творчестве Мура — скажем, первых двух десятках лет его пути, — придется отойти от исхоженных областей библиографии. Тогда найдется «Настоящая история» (A True Story, 1986) — пятистраничное произведение для фэнзина Мура о том, как его школьная подруга умерла от лимфомы Ходжкина. В Honk № 2 входит короткая статья «Брассо с Розой» (Brasso with Rosie, 1987) об истории его семьи и самом раннем детстве. А одностраничное «Письмо из Нортгемптона» (Letter from Northampton, 1988), написанное и нарисованное самим Муром, повествует о поездке в Америку и включает лукавую и довольно парадоксальную историю о встрече с одним из его кумиров — Харви Пикаром, андерграундным

комиксистом, который создал «Американское великолепие» (American Splendor) и стал первым значительным автором комиксов, писавшим в этой среде мемуары.

Практически все, что Мур выпускал до сорока лет, было научной фантастикой, супергероикой или смешной сатирой со зверями, а главной его целью являлось переосмысление жанровых формул и техник повествования. Самая заметная его работа в 80-х — мейнстримные приключенческие комиксы, и он понимал, что редакторы и читатели журналов «Еженедельник Доктор Кто» (Doctor Who Weekly) и «Корпус Зеленых Фонарей» (Green Lantern Corps) ждали вовсе не историй о жизни школьника в Миддендсе. Хотя Мур не хуже других знал и о богатой традиции автобиографических комиксов — например, о работах Пикара. Сам он с гордостью заявлял, что вышел из андерграунда. Но все же никогда не писал стрипы с безжалостными самокопаниями и откровенными признаниями, которыми славился Пикар.

Если Мур и рассказывал о своей жизни, то только в прозе. Время от времени для комикса, над которым он работал, требовалась сжатая автобиография создателей — большинство сценаристов и художников обычно предоставляют вполне прямодушные абзацы. Взять Стива Мура — автора комиксов, учителя Алана Мура и его старейшего и лучшего друга. Вот его биография для последних страниц журнала *Warrrior* № 1 (1982):

Стиву Муру 32, он живет в Лондоне и большую часть рабочей жизни провел в индустрии комикс-стрипов... На данный момент — помощник редактора в *Fortean Times*, журнале о странных явлениях, и выпустил подборку статей о китайском йети — Диком Человеке.

А вот Алан Мур:

Поразительный гибрид Пилтдаунского человека и человека эпохи Возрождения... душа компании, пока не кончится действие транквилизаторов, мистер Мур верит, что одержим демоном Пазузу.

С начала девяностых и далее бóльшая часть текстов Алана Мура становится более личной. Но даже здесь не найдешь непосредственно историй из жизни. Самая автобиографическая работа на данный момент — текст для перформанса «Плодная оболочка» (The Birth Caul, 1995), начинающийся со смерти его матери. Потом сюжет переходит к семье, к местной истории, прежде чем вернуться и стать (перевернутым) рассказом о детстве Мура, чтобы закончиться его зачатием. «Плодная оболочка» создана совместно с музыкантами Дэвидом Джеем и Тимом Перкинсом, и местами автобиографические детали принадлежат соавторам — так, например, каждый из них предложил (настоящее) имя для списка из трех девочек, которых повествователь втайне обожал в детстве⁴. «Плодная оболочка» при повествовании избегает местоимения «я» и предпочитает «мы» — как говорит писатель Марк Сингер, в результате история становится «общим повествованием»⁵.

Похожая техника используется и в последней главе романа Мура «Глас огня» (Voice of the Fire, 1996); она написана в настоящем времени и рассказывает, с точки зрения Мура, события того вечера, когда он пишет эту главу. И все же это больше путеводитель по местности, где он живет, чем автобиография как таковая:

Вы наверняка заметите высокую степень моего дискомфорта касательно личных литературных появлений: в последней главе не встречаются слова «я», «мне» и «мое». Кажется, изначально я прибегаю к этому приему в попытке появиться в собственном

сюжете так, чтобы на самом деле не появиться, но оказалось, мне нравится уже то, как посреди повествования остается пустое концептуальное пространство, которое может занять читатель, вложив собственное «я». Полагаю, на самом деле это попытка из-за большого тщеславия скрыть, собственно, большое тщеславие, так что прошу, не торопитесь впечатляться⁶.

Так как же, если не через его творчество, можно что-нибудь узнать о жизни Алана Мура?

Мур часто изображается этаким отшельником. Большое интервью для ВВС начиналось со слов, что он «остается в тени», а также «не любит давать интервью»⁷. Ничего подобного. Уже вскоре после начала профессиональной карьеры Мур стал заметным и громким явлением в индустрии комиксов. За годы он дал сотни интервью — сперва для фэнзинов, потом для профессиональных журналов, промовидео, национальных и местных газет, радио и телевидения, а в последнее время — веб-сайтов. Как он сказал одному интервьюеру: «Я падаю на интервью, потому что обожаю слушать собственный голос... скажите всего пару слов, а я сам проговорю следующие пару часов... вы толкните, если надо, чтобы я замолчал или перешел на другую тему»⁸. Некоторых интервью Мура хватило бы на целую книгу или серию шоу на радио или телевидении. Многие сосредоточены на разработке конкретного проекта — обычно текущего произведения — или творческих техниках, карьеры или интереса к магии. Очень редкие задевают биографию хотя бы по касательной, но если его спросить, то он ответит, вплоть до того, что отдельные случаи из его детства стали общеизвестными байками.

Получается, за годы Алан Мур истратил сотни тысяч слов, вдаваясь в подробности о своих происхождении и личном пути. Он согласен поведать нам свою историю

жизни, но только не через искусство (по большей части). В прошлом Мур предполагал, что избегал автобиографических работ просто потому, что его жизнь не такая уж интересная: «Я всего лишь сижу в комнате и пишу — наверное, одно из самых скучных существований в мире»⁹.

Работы Мура, как и у любого творческого человека, не существуют отдельно от его опыта. Он беллетризировал события своей жизни и признавался, что с возрастом ему это нравится все больше. На вопрос «Много ли событий из собственной жизни вы охватываете в творчестве?» он ответил:

В конце концов используешь все. Обычно шифруешь, если только не пишешь настоящую биографию. Что-то в этом роде я делал в «Маленьком убийстве» [A Small Killing, 1991]. Основным событием там было, как мальчик закапывает жуков в бутылке. Я так сделал в восемь или девять лет, и это меня преследовало. Писатель в «Больших числах» [Big Numbers, 1990] — это я; не целиком, но моего опыта там хватает. Я жадно заимствовал из жизни друзей — иногда это кажется сомнительным делом. Эти люди — они же твои друзья, и они выкладывают тебе подробности жизни, но частичка твоего мозга — такой хладнокровный вампир, который записывает все для дальнейшего использования. Ничего не могу поделать — я писатель. Я все ближе и ближе подхожу к тому, что на самом деле напишу о себе. В моей следующей работе будет значительный автобиографический уклон. С возрастом я меньше беспокоюсь о том, чтобы раскрыться и показаться засранцем. Доходит до того, что при этом даже нравится быть засранцем¹⁰.

Но для раннего творчества Мура куда типичнее истории, которые очень похожи на автобиографические или принимают вид вымышленной биографии,

хотя при ближайшем изучении не стыкуются ни с чем, что нам известно о жизни автора.

Наглядная иллюстрация — первая книга «Баллады о Гало Джонс» (The Ballad of Halo Jones, 1984), впервые опубликованная в британском научно-фантастическом комиксе 2000AD более-менее в начале карьеры Мура. Соблазнительно разглядеть в ней футуристическое переложение жизни автора в Нортгемптоне, где поколениями проживали беднейшие семьи страны. История разворачивается в пятидесятом веке в Петле — гигантской конструкции в форме пончика, плавающей в Атлантическом океане и принимающей безработных — или, как их называют, «граждан с повышенным временем досуга». Пародийная реклама гласит:

Если вы один из безработных в Муниципалитете штата Нью-Йорк, тогда Петля — для вас! Это плавучее пристанище на приколе у самого Манхэттенского полуострова дарит жилье множеству обитателей — гражданам с повышенным временем досуга, отдыхающим в живописных Домах-Блистерах... Петля: Край Наслаждения у Манхэттенского острова, где люди без денег проводят время в блаженном покое! Петля: обведет вокруг пальца любые схемы Снижения Бедности других Муниципалитетов.

Нам быстро открывается реальность ситуации: обитатели Петли вынуждены выживать без помощи в жестоком мире, где персонажи впадают в панику от перспективы выйти из дома за продуктами. Изюминка истории — обитатели принимают все тяготы и причудливые научно-фантастические подробности своей жизни за должное. Когда Гало спрашивают, что такое мыши, она отвечает: «Ну, они были как крысы, только маленькие и не умели разговаривать»¹¹. Обитатели